

Девка я хорошая, но неудачливая. Муж, хоть и кормила с ложечки, сбежал к учительнице непонятных наук; детей Бог не дал. Так что в коммуналке, от бабушки доставшейся, одна обитаю. Комната большая, соседи подходящие: баба Соня, в милиции до пенсии работавшая, и Вовка-алкоголик, грузчиком на бутылку зарабатывающий. По проблемам кухни и ванной стараемся не ссориться, разве что баба Соня иногда следствие проводит: кто забыл за шнур бачка дёрнуть, а? Понятно кто: у Вовки вчера компания гуляла и наперегонки в туалет ползала.

И вот весной начальник отдела, где я специалистом работаю, ко мне клинья подбивать начал. Мужик видный, с брюшком, а золотых зубов во рту столько, что за одни зубы влюбиться можно. Женат, правда, но где холостого в моём возрасте

встретишь?! Так что, когда он незаметно меня по какому-нибудь месту гладит, не взвизгиваю и не отстраняюсь, а наоборот, удовольствие на лице показываю.

— Ах, Людмила Степановна,— говорит,— какая вы потрясающая!

— Да и вы, Павел Васильевич,— улыбаюсь смущённо,— мужчина хоть куда!

Гладил он меня, гладил — и предлагает:

— Вы не позволите в субботу вас навестить?! Мне, как начальнику, полагается знать, в какой обстановке мои подчинённые выходные проводят.

— Конечно! — глаза потушила.

Аврал дома устроила, прошлогоднюю пыль на улицу вытряхнула. Причёску модную соорудила, а то была «я упала с самосвала, тормозила головой». Такой красавицей стала, что Вовка, когда увидел, стакан на пол уронил.

— У тебя что, пальма на голове выросла?! — спрашивает.

— Сам дурак! — отвечаю.— И уши у тебя ослиные: не можешь французскую новинку от растения отличить.

Пельмени приготовила — они у меня лучше всех блюд получаются — и жду, когда кавалер явится. Ровно в полдень — два звонка: ко мне, значит. Дверь открываю — Павел Васильевич: нарядный, с букетом цветов, только хмурый какой-то.

— Представляете,— вздыхает,— подругу жены встретил: оказывается, в вашем подъезде этажом выше живёт. Объясняю, что двоюродную бабушку с днём рождения поэта Пушкина поздравить пришёл, а она бормочет, что к старичкам с тёплыми носками, а не с цветами ходят.

— Бессовестная! — возмутилась.— Таким, как вы, во всём верить надо.

Забрала букет, за стол усаживаю, пельмени насыпаю: внимание стопроцентное! А кавалер с трудом пару пельменей проглотил, на лице озабоченность, и мысли там, возле жены и подруги.

— Может, винца или водочки? — предлагаю.

— Давайте! — махнул рукой.— То, что покрепче.

Самое крепкое у меня — самогон, его и налила. Павел Васильевич выпил, ахнул:

— Это что?

— Водка местного разлива,— объясняю.— Да вы закусывайте, закусывайте!

Павел Васильевич ртом, словно рыба на суше, движения поделал и на пельмени набросился. Свою тарелку очистил и на мою поглядывает. Налила ещё стаканчик, пельмени из кастрюли в его тарелку перебросила.

— За ваше здоровье! — стакан поднимаю.

Выпили... Павел Васильевич повеселел, начал на меня с интересом коситься. А я что: для хорошего человека на всё согласная!

— Может, надо чего? — забочусь.

— Пива бы попил, — на стуле раскинулся, ремень ослабил, чтоб брюху свободнее колыхаться.

Промашку допустила: не подумала, что такой серьёзный человек пивом заинтересуется. Что ж, как говорила моя бывшая свекровь, при отсутствии рыбы самой приходится становиться раком.

— Вы посидите, — говорю, — а я в магазин сбегаю.

— Ладно, — соглашается Павел Васильевич. — А я пока диванчик освою.

Пусть потренируется. Раздвинула диванчик, чтоб удобней брюхо разместить, схватила кошелек, сумку, выскочила на площадку — и к лифту. Этаж у меня третий, обычно по ступенькам спускаюсь, а тут заторопилась. Зашла в кабинку, кнопку нажала и вниз покатила. Секунд двадцать проехала — и вдруг лифт задёргался, словно о мину споткнулся, и замер.

— Ты чего? — возмущаюсь. — Дальше двигай!

На кнопки нажимаю, по двери стучу — лифт ни с места! Ору диспетчеру — тишина. «Сегодня Варька работает, — вспоминаю. — На рынок пошла, наверное».

Дверь каблукми пинаю, чтобы на стук среагировали. Но народ крепкий, к шуму привычный. Минут двадцать дверь таранила, пока не устала.

«Вот влипла, — думаю. — Бедный Павел Васильевич: как он там без меня?!»

А дела у Павла Васильевича были невесёлые. Только он собрался на диванчике устроиться — баба Соня входит. Увидела незнакомого мужика и обрадовалась.

— Вы кто? — спрашивает. — По какому праву?

Павел Васильевич замялся, не знает что сказать.

— Начальник я, — объясняет. — Обстановку пришёл разведать.

— Наколку на хату делаешь, — догадалась баба Соня. — Кличка интересная — Начальник, впервые слышу. Давно от хозяина?!

— Я по казённому, а не частному делу, — пытается вывернуть-ся Павел Васильевич. — Обязанность такая: знать, кто как живёт.

— Наводчик, значит, — констатирует баба Соня. — Какой со-знательный: сам рассказывает! — и кричит: — Вовка, иди сюда!

Вовка на похмелье деньги искал и сразу примчался: вдруг баба Соня червонец нашла и делить надумала?

— Вора поймала! — показывает баба Соня.

Павел Васильевич услышал и от ужаса онемел.

— Костюмчик знатный! — почмокал губами Вовка. — Вечеров на пять с хорошей компанией хватит! Слышь, баба Соня, может, костюмчик возьмём, а его отпустим — пусть свободой подышит?!

— Я костюмами взятки не беру! — гордо объявила баба Соня. — Иди в милицию звони.

— Это недоразумение! — побледнел Павел Васильевич. — Я — гость Людмилы Степановны. Она за пивом отправилась.

— Да?! — оживился Вовка. — Подождём, попробуем.

И вдруг бутылка на столе увидел. Открыл, глотнул:

— Точно, наш человек. Людка для чужого самогон не вы-ставляла бы!

Баба Соня подошла, понюхала.

— Мой рецепт! Но...

Баба Соня покачала пальцем перед носом Павла Васильевича:

— Пока Людмила тебя не опознает, отсюда не уйдёшь!

— Правильно! — согласился Вовка, усаживаясь на стул и разливая самогон по стаканам. — Тем более что тем, кто в до-зоре, сто грамм положено.

Выпили все, даже баба Соня, учтя ответственность момента, полстаканчика отхлебнула, ну а Павлу Васильевичу с до-зорными никак нельзя ссориться. Закуска на столе нашлась, к тому же баба Соня, расщедрившись, после второго стакана кусок сала принесла.

Гуляли весело. Павел Васильевич привык к другим компа-ниям, но после шестого стакана понял, что таких хороших лю-дей, как нынешние собутыльники, он не встречал.

— Я тебя в ликёро-водочное ОАО устрою, — обняв при-обретённого друга за плечи, обещал он Вовке. — Прямо из ци-стерны через шланг хлебать будешь.

— Это хорошо, но... — сомневался Вовка. — Закуску при-дётся тоннами употреблять! Я такое брюхо, как у тебя, не хочу!

— Это не брюхо, а поясной комплекс, — обиделся Павел Васильевич.

— Возможно, — Вовка не стал спорить с учёным словом. — Ты что, к Людмиле свататься пришёл? Правильная девка: когда очень плохо, всегда градусом поможет!

— И другими местами интересная! — разомлел Павел Васильевич. — Тихая, работающая, идёт — каблуками по сердцу! Не то что моя Клавдия Петровна!

— А ты её побоку и женись на Людке! Такую свадьбу отгрохаем!

Павел Васильевич призадумался.

— Вот-вот! — внесла свою лепту баба Соня. — И милицию тогда не позовём. Если согласен, то я ещё сала принесу!

— Тащи! — махнул рукой Вовка. — Будем Людкиными сватами.

Пока народ выдавал меня замуж, я торчала в лифте и очень жалела, что не догадалась перед походом в магазин посетить туалет. Большие неприятности маячили вдалеке, но маленькие приблизились вплотную. Я переминалась с ноги на ногу и зывала к Варьке, не зная, что та встретила на рынке куму и наполняла открытый рот городскими слухами.

Веселье у собутыльников приближалось к этапу «четвереньки», когда отворилась дверь и в комнату, сопровождаемая подружкой Шурой, ворвалась жена Павла Васильевича.

— Это к кому в гости с цветами ходишь? — прямо с порога заорала она. — Где та бабушка, что Пушкина любит?

— Я Пушкина люблю, хоть он и араб, — поднялась баба Соня.

Павел Васильевич выпучил от страха глаза и попытался спрятаться под стол.

— Точно, к бабке пришёл! — растерялась Клавдия Петровна. — Совсем ориентацию потерял!

— Вас, Шура, знаем, а вы кто будете, гражданка? — сурово спросила баба Соня, которой Клавдия Петровна чрезвычайно не понравилась. — Вломилась в чужой дом, хулиганите. Хотите в КПЗ переночевать?!

— Я — жена этого человека! — с достоинством сказала Клавдия Петровна, ткнув пальцем в сторону Павла Васильевича.

— Неправду говорите! — баба Соня укоризненно покачала головой. — Жена у него — Людка, за пивом пошла. Подтверди, Пашок!

— Да! — уловив что-то про пиво и Людку, произнёс Павел Васильевич.

— Так ты двоеженец! — Клавдия Петровна беспомощно оглянулась на подругу.— Держи меня, а то упаду!

— А чего падать? Садитесь за стол,— похлопал Вовка по соседнему стулу и подмигнул давно нравившейся ему Шуре.— Вместе потом упадём.

Компания пополнилась. Следуя общему примеру, незваные гости растерянно взяли в руки стаканы и отпили по глоточку.

— До дна, до дна! — запротестовал Вовка.— Или нас не уважаете?!

Не решившие ещё этот вопрос Клавдия Петровна и Шура переглянулись.

— Что делать будем? — спросила Клавдия Петровна.

— Разберёмся в ситуации,— рассудительно решила Шура.— Глаза выцарапать ему,— Шура взглянула в сторону Павла Васильевича,— всегда успеем.

— Насчёт глаз поосторожнее,— решила поднять репутацию соседки баба Соня.— У Людки удар правой — пять тонн, обидится за мужа — в корзинке кости унесёте!

Пока присмирившие гости осушали мою пятилитровую бутыль, я продолжала испытывать муки терпения. Физиология оказалась настолько серьёзной дамой, что я готова была уступить ей Павла Васильевича за пачку памперсов. И голос Варьки, вопрошавший: «Чего там у вас?» — показался таким родным, что я завизжала от восторга.

Минут через пять, освобождённая из плена, я ринулась вверх по ступенькам к вожделенной комнатке, не зная, что её только что оккупировала проигравшая схватку с самогоном Клавдия Петровна. Мимоходом отметив доносившийся из моей комнаты гул голосов, я промчалась по коридору к зелёной двери и дёрнула за ручку. Заперто!

— Эй, там! — заорала я.— Это я, Людка! Отвори!

Бабы дуры не потому, что дуры, а потому, что бабы. Услышав злобный рык соперницы, Клавдия Петровна вспомнила про пятитонный удар правой и онемела от страха.

— Отвори, говорю! — задёрнула я дверь.— А то худо будет!

Худо могло случиться со мной, но Клавдия Петровна поняла иначе.

— Я согласна! — пискнула она.— Забирайте Павла Васильевича!

Услышав незнакомый голос с интересным предложением, я отпрянула от двери и недоуменно спросила:

— А вы кто будете в нашем туалете?

— Первая жена Павла Васильевича,— отрапортовала Клавдия Петровна.

«Ничего себе! — подумала я.— Если здесь первая жена, то где-то есть вторая, а может быть, и третья. Ай да Павел Васильевич!»

— Не нужен мне такой гулящий! — кричу.— Вы скоро из туалета выйдете?

— Ещё не решила,— поосторожничала Клавдия Петровна.

— Быстрее соображайте! А то дверь выломаю и с вами поженски поговорю!

Тут Клавдия Петровна, как в сказке про козу, выпрыгнула и под Шурино крыло помчалась, а я на её место скакнула.

Забежав в комнату, Клавдия Петровна обнаружила отсутствие подруги.

— Вовка повёл к себе холодильник изучать,— объяснила баба Соня.— Они давно друг на друга поглядывали, так что по правильному адресу её привели.

— Вот чего она сюда рвалась! — воскликнула Клавдия Петровна.— А я решила: за меня обиделась! А что с Павлом Васильевичем? Лежит бревном на диване.

— Устал, сердечный, жену ждать,— вздохнула баба Соня.— Где эта Людка с пивом? Очередь, наверное, длинная.

— Здесь она, меня зачем-то из туалета выгнала,— пояснила Клавдия Петровна, раздумывая, как домой возвращаться: одной или с Павлом Васильевичем на плечах.

— Представляю, чем вы там занимались, если даже Людку допекло! — сердито заявила баба Соня.— Обнаружу сломанный бачок или унитаз — не только материальный, но и моральный вред взыщу.

— Отстаньте, я уйду! — приняла решение Клавдия Петровна.— Вещи Павла Васильевича пришлю на грузовой машине, в понедельник подам на развод. Ко мне друг детства до сих пор женихается, сегодня же место Павла Васильевича займёт. Вот так-то!

Через месяц баба Соня сидела дружкой сразу на двух свадьбах: моей и Вовкиной. Пива было вдоволь, поэтому в лифте никто не застревал. Так что Варька понапрасну дежурила!